

слабости даже как бы оживляют его образ, в котором на первый план выдвинуто здоровое, жизнерадостное начало.

Полной противоположностью этому образу предстает читателю фигура Людовика XIII. Таллеман с самого начала подчеркивает его физическую неполноценность, болезненность, противоестественные наклонности, его взбалмошность, жестокость и подозрительность. Таллеман при этом ясно дает понять, что самодурство и жестокость Людовика XIII — в большой мере плод его воспитания и окружения, результат того, что он «уже рожден был принцем». «Короля погубило безделье» (113), — пишет он. Фигура Людовика XIII рисуется на фоне сложной борьбы партий, придворных интриг, заговоров, дипломатических хитросплетений. И на этом фоне отталкивающий портрет, нарисованный Таллеманом, не только отражает человеческую сущность Людовика XIII, но и характеризует его как короля Франции. Этот взбалмошный, мстительный, мелкий человек, склонный ко всякого рода «не королевским» занятиям, вроде шпигования телгины, способен управлять государством.

Наиболее близко к вопросам современной ему политики Таллеман подходит в «historiette», посвященной Ришелье. Эта история — одна из самых больших в книге и несколько отличается от других по принципу своего построения. Она состоит не из отдельных, разрозненных «характерных» эпизодов, а в первой своей части представляет собой нечто вроде жизнеописания Ришелье, очевидно имеющего цель дать историю становления его характера; причем жизнеописание это выполнено с нескрываемым недоброжелательством. И последнее проявляется не только в подборе эпизодов, подчеркивающих отрицательные черты характера Ришелье, но и в тех комментариях, которые нередко сопровождают эти эпизоды. Так, рассказывая о том, как в начале своей карьеры молодой Ришелье снискал популярность, произнеся в Генеральных штатах несколько речей, «кои сочтены были превосходными», Таллеман идовито прибавляет: «В ту пору в этом не очень-то разбирались» (64). Ряд эпизодов второй части, касающихся уже деятельности кардинала в качестве первого министра, сопровождаются более резкими и гневными инвективами по адресу «тирана». Тем самым Таллеман дает кардиналу Ришелье оценку не только как человеку, но и как государственному деятелю. Однако при этом он мало касается существа деятельности Ришелье, объясняя, как и многие его современники, политику кардинала почти исключительно его честолюбием и личными интересами.

Значение Ришелье для истории Франции было в полной мере понято лишь впоследствии, в исторической ретроспективе. Осмысление его исторической роли было неразрывно связано с установлением прогрессивной природы абсолютизма «как цивилизующего центра, как объединяющего начала французского общества».¹³ Ришелье способствовал превращению

¹³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. X, стр. 431.